

2. за «Пестрыми рассказами», г. Чеховъ заговорилъ рѣчью Толстого, Бьернсона и прочихъ моралистовъ-философовъ нашихъ дней, заговорилъ утратно и сѣло, забывъ, что всѣ эти господа, прежде чѣмъ поучать, — изучали, прежде чѣмъ подчинить свой талантъ уму и привести въ жертву идеѣ правду, — были рабами своего вдохновенія и, вслѣдъ идеѣмъ мира, предпочитали одну правду — подчасъ высокую, подчасъ низменную, подчасъ красивую, подчасъ уродливую, но всегда скронную и зовную правду. И накто (даже самъ гр. Толстой) не можетъ заставить насъ забыть эту правду ни въ «Аннѣ Карениной», ни въ «Войнѣ и мирѣ», ни въ десяткѣ другихъ бесспорныхъ твореній, не можетъ склонить предпочтеть ей умныя, сѣльныя, но ~~сочиненныя~~ и ~~идеѣмъ~~ рѣчи гг. Падвышевскихъ о вопросахъ, составляющихъ нашу жизнь и благо. Какъ бы талантливы, какъ бы ярки ни были эти рѣчи и образы, въ душу насъ они не проникнутъ, потому что они пахнутъ проповѣдью, расомъ, обманливой и самодовольной моралью. И вотъ, на это-то поприще свернула г. Чеховъ и, съ сѣлостью, съ которой онъ прежде выривалъ яркія клочки изъ пестрой житейской панорамы, проникая въ души и мысли простыхъ людей, теперь онъ занимается людьми сложными и большими, трактуетъ о какать-то психологическихъ законахъ возрожденія, во своему галты,

донимать и склоняетъ людскія душа, лишь-бы доказать, что правъ и что жизнь течетъ именно такъ, какъ ему хочется, чтобы она текла. Уже не города, не крѣпкія отѣны мелькаютъ передъ героемъ, а... тѣ сими тонкія и голена-отыя мельничныя крылья, съ которыми еще въ прошломъ вѣкѣ, тѣтно, хотя и храбро, воевалъ испанскій дворянинъ Донъ-Кихотъ. Я не хочу умалять таланта г. Чехова, но, право же, его послѣднія творенія пахнутъ литературнымъ допъ-кихотствомъ.

Его «Дуэль», в потомъ «Жена», написаны для того, чтобы доказать возможность и легкость примиренія съ жизнью и ея высшими идеалами, даже для натуръ глубоко испорченныхъ и искоренѣнныхъ. Въ первой повѣсти представляется ни путь истинны молодой еще

человѣкъ, мелкій чиновникъ одного изъ южныхъ вихолустій; во второй — ученый, богатый и чиновный нижеверъ, пишущій «исторію желѣзно-дорожного искусства» посреди голодающаго и ачтущаго помощи населенія. Первая повѣсть несравненно выше второй, хотя обѣ страдаютъ одними и тѣми-же недостатками.

Что замыселъ и идея втора тутъ вполне санитичны и даже возвышенны, съ этимъ никто спорить не станетъ. Доказать человечеству, что исправленіе его возможно и даже легко, стоитъ лишь чиновникамъ добросовѣстно писать свои бумаги, а богатымъ людямъ жертвовать свое состояніе на голодающихъ и не мѣшать своимъ женамъ «благотворить» — было бы истиннымъ благодѣяніемъ для человечества. Но доказать это не такъ легко.

Лаевскій (мелкій чиновникъ), герой «Дуэли», живетъ въ незаконномъ сожителствѣ съ чужой женой, покушается, аграть въ нить и не занимается службой. Но онъ отъ природы уменъ, чутокъ, добръ и даже, по- своему, художникъ. Это отрицательный элементъ повѣсти. Положительный же олицетворяется студентомъ естественнаго факультета фонъ-Кореномъ, сухимъ и твердымъ въ своихъ принципахъ, какъ старое дерево, какъ всѣ естествоиспытатели. Фонъ-Коренъ ненавидитъ Лаевского за его «безпринципность», безхарактерность, воровство и дѣнь. Лаевскій взаимно не любитъ Корена за его сухость и по-бавляется его и избѣгаетъ. Обрисовка героевъ сдѣлана твердо и сѣло, свойственно таланту Чехова; люди приняты такъ какъ за живоротъ и поставлены лицомъ къ читателямъ такъ, чтобы не

было никакихъ сомнѣній въ ихъ душевныхъ свойствахъ. Но, странное дѣло! Впечатленіе отъ этого получается совсѣмъ не то, на которое рассчитывалъ авторъ и изъ котораго, понадиному, онъ самъ исходилъ. Слабый, воровчій и нечестельный грѣшникъ Лаевскій, со всѣми своими отрицательными качествами внушаетъ больше симпатіи въ себѣ, чѣмъ строгій и сильный праведникъ фонъ-Коренъ. Всѣ мелкія мученія перваго, трусливыя надежды, порины слабой воли, угризенія большой совѣсти и даже пикале, подлѣе поступка, больше говорятъ живому сердцу человѣка, чѣмъ стальныя рѣчи втораго, пропитанныя безусловной и бездушной моралью,

чѣмъ вся безупречная честность, прямота и аскетизмъ этого суроваго труженника. Получается чувство, подобное тому, какъ если-бы гнуснаго преступника взвели на плаху и, вмѣсто омерзения и ужаса, онъ внушилъ-бы народу лишь жалость и участіе. Казнь такого преступника явилась-бы совершенно неопытной и ненужной въ смыслѣ общественнаго воспитанія;—такъ и казнь Лаевскаго (его дуэль съ фонъ-Коренемъ) непонятна и ненужна, какъ для Лаевскаго, котораго она по замыслу автора должна обновить, такъ и для читателя, который, не сочувствуя ей предпочелъ-бы средства болѣе естественныя, человѣчныя, разумныя и убѣдительныя, болѣе сродныя чуткой, доброй, хотя и порочной душѣ преступника.

Дуэль произошла по пустому поводу, но въ основаніи ея лежала та «органическая» ненависть, которую питалъ честный фонъ-Корень къ безчестному Лаевскому и которая «давила» послѣднiго, какъ тяжелая ноша. Не въ могоду стада ему эта ноша и онъ, хотя трусливый и слабый, вызвалъ на бой сильнаго и храбраго противника. Это вполнѣ естественно, и эта часть повѣсти—лучшая. Хорошо также выражены чувства Лаевскаго до, во время и послѣ дуэли, когда онъ узнаетъ, что женщина, съ которой онъ жилъ и которую хотѣлъ безсовѣстно бросить, обманывала его. Понятно, почему онъ, слабый и одинокій, передъ страшной опасностью смерти, не только прощаетъ ее, но и чувствуетъ, что любить, не разстанется съ ней, что она одна ему близка въ эти минуты и, именно, тѣмъ что она, какъ и онъ—порочна. Но уже далеко не такъ понятно, почему тотъ же Лаевскій, избѣжавъ смерти, но не избѣживъ тѣхъ развращающихъ и разлагающихъ элементовъ захолустной жизни, которые сдѣлали его лѣнивымъ, эгоистомъ и даже—подлецомъ, почему онъ вдругъ, подъ дуломъ пистолета фонъ-Корена, постигаетъ истинный смыслъ жизни и начинаетъ прилежно писать свои бумаги. Страхъ смерти? Но вѣдь натуры, подобныя Лаевскому, также скоро проникаются имъ, какъ и забываютъ его. Было бы естественно, если бы фонъ-Корень, подъ дуломъ пистолета Лаевскаго, повялъ всю сухость и бездушность своей философіи, смягчился и уже такимъ остался на всю жизнь. Люди, подобныя ему, трудно впечатлѣются, но, разъ впечатлѣвшись, не скоро остываютъ. Всѣ-же благородныя наклоненія Лаевскаго, неизменно

должны испариться изъ его головы и вмѣстѣ съ тѣмъ гнетущій и доминирующий чувствомъ страха смерти, которое ихъ вызвало и которое не можетъ долго жить въ его душѣ. Лаевскіе слишкомъ живучи, несмотря на ихъ слабое здоровье и слишкомъ логкомисленны, несмотря на ихъ доброе сердце. Простить женщину, обманывавшую ихъ, человѣка, ненавидѣвшаго ихъ, они могутъ потому что они нуждаются въ прощаніи; но любить истинной любовью такую женщину, или своего врага, они не могутъ, такъ какъ въ душѣ ихъ нѣтъ для этого запаса положительнаго силъ и никакой страсти, никакая душа не можетъ любить себя. Точно

также не могутъ они и измѣнить своего взгляда на жизнь, своихъ привычекъ, и пороковъ, если среда ихъ не измѣняется, если извѣіе не дается имъ толчковъ для развитія ихъ добрыхъ инстинктовъ. А вокругъ Лаевскаго послѣ его дуэли ничего не измѣнилось: та же безсодержательная, бумажная работа, то-же порочное, пошлое и скучное общество, та-же любовница—сентиментальная и глупая, тотъ-же разслабляющій, наконецъ, воздухъ юга и скрытый голыми утесами горизонтъ. Не вѣрится, чтобы, оставаясь въ этомъ болотѣ, Лаевскій могъ стать *человѣкомъ*. Его жадной до новыхъ впечатлѣній натурѣ и слабому сердцу, нужны частыя встрепки, хорошіе примѣры и главное—живой, а не бумажный трудъ. При всей своей смѣлости, г. Чеховъ, не смогъ иначе выразить перерожденія своего героя, какъ тѣмъ лишь, что онъ «сталъ рано вставать и усердно писать бумаги». Другого ему ничего и не оставалось. Но тогда, зачѣмъ было повѣсть писать? Вѣдь чистая совѣсть *чиновника* не примиряетъ еще съ жизнью *человѣка*; а Лаевскій—человѣкъ, останется вѣчно слабымъ, хотя и добрымъ, сподобимымъ влюбляться, но не любить, дилетантомъ въ трудѣ, въ чувствахъ, въ раскаяніи и даже—порокъ. Повѣсть г. Чехова доказала лишь, что и Лаевскіе могутъ быть хорошими чиновниками, въ чемъ, впрочемъ, мы и не сомнѣвались.

Истинный художникъ не доказываетъ, а лишь *указываетъ*; идея является у него слѣдствіемъ, а не причиной его творенія, и тѣмъ шире она торжествуетъ, чѣмъ менѣе онъ подчиняется ей и тѣмъ непосредственнѣе близокъ къ одной правдѣ. А правда, столь-же далека отъ «Дуэли» г. Чехова, какъ далеко

задуманное или от действительного...

Еще дальше, неизменно дальше она от второй повести его — «Женя». Тут уже идейная сила автора и пренебрежение к читателю так велики, что даже страшно становится за г. Чехова. Вот-вот запутается и остановится на полсловья. Я, лично, не могу иначе объяснить себе появление в свет этой странной повести, как то, что г. Чехову, в голодный год, понадобилось написать «голодную» повесть, — в рандан и в дополнение к «голодной» философии графа Толстого. Только упустил он из виду одно: что мудрый гр. Толстой он ничего не сочинил, а повторить то же, пристегнув к чужой мысли два-три своих тина, наскоро вырванных и еще скорее сколоченных, — недостойно такого оригинального и свѣжаго дарованія, какое публика признала за г. Чеховым. Его «Дуэль», хотя не так длинна, но она его собственная. Весь же ути и вся сила «Женя» — чужія, заимствованныя, а потому эта повесть не возбуждает даже симпатии к идеям автора, хотя эта идея здесь, еще возвышеннѣе, пожалуй, чѣмъ въ «Дуэли».

Какъ и тамъ, такъ и здесь, г. Чеховъ съ первыми же строками катает своихъ героев за шиворотъ и ставит лицомъ къ читателю. Любуется! Онъ — отставной генералъ-инженеръ, богатый и свѣтлый, дѣловитый техникъ, но несвѣдѣвший

человѣкъ и нуль; всю жизнь работалъ и нажилъ только враговъ; женился по любви, и изъ любимой и ласковой женщины создалъ неггеру. Она — красива, мила, добра, натура богатая, способная сна подвиги, но нескверкальная и измученная сожителствомъ съ мужемъ. Почему — не знаемъ! О прошломъ супруговъ, о причинахъ, выработавшихъ въ нихъ эти крайніе черты и ненависть другъ къ другу — ни слова. Мужъ и жена ненавидятъ другъ друга съ первыхъ словъ повести, и ненависть эта, какая-то болѣзненная и давящая на нервы читателя, вслѣдствіе ея не объясни-сти, служить канвой для всей повести. На этой канвѣ г. Чеховъ захотѣлъ вышить куштокъ своего психологическаго анализа, создать совсѣмъ новую идею; но вышилъ лишь самую слабую сторону своего зазнавагося таланта и создать совсѣмъ плохую повесть.

Ненависть фойе-Корона къ Лазевскому мы еще понимаемъ; безъ нея не было-бы дуэля, а слѣд вателью — и повести. Ненависть же супруговъ въ «Женѣ» не только не объяснима, но она

не нужна вовсе для целей автора. Можно не быть между ними симпатич. дружбы, любви, но зачѣмъ же — ненависть? Это видѣ не та животная, органическая ненависть самца къ самкѣ, загорающаяся вслѣдъ за удовлетвореніемъ животной любви, которую мы понимаемъ, какъ реакцію униженной и стертой въ прахъ духовной силъ передъ плотью, которую мы даже прощаемъ въ отношеніяхъ Понднышевыхъ и которая послужила теной для Крейцеровой сонаты. Нѣтъ! г. Чеховъ, хотя и ссылается на Крейцерову сонату и его генералъ мысленно сравниваетъ себя съ Понднышевымъ, но онъ тщательно избѣгаетъ даже намекъ на физиологическую подкладку этой ненависти и пытается цѣлкомъ извлечь ее изъ психологическихъ мотивовъ. Трудъ сильный, почтенный и опасный для тенденціи самой «Крейцеровой сонаты», если бы онъ удался. Но онъ не удался — или потому, что цѣль автора была не въ немъ, или, что, признавъ себя съ первыхъ же шаговъ бессильнымъ, онъ рѣшилъ не доказывать, а просто — утверждать. «Ну, ненавидятъ. Что вамъ до этого? Вѣрите на слово!» Хорошое Повѣрши! А дайте?..

А дальнѣе г. Чеховъ рассказываетъ, какъ эта ненависть, накопившаяся цѣлой жизнью, въ одинъ вечеръ, вслѣдствіе одного обѣда и одной короткой бесѣды съ добрыми людьми, прератилось въ любовь и ради этой любви, скупой и сварливый генералъ, скончившій упорный трудомъ и знаніемъ, изрядное состояніе, отдастъ его все жонѣ за благотворительность.

И доказывать, что это вовсе и не удивительно и не трудно, стоитъ только стать «равнодушнымъ».

Пока г. Чеховъ только рассказываетъ, выходитъ и завязательно и уныло. Можно ему не вѣрить, но нельзя не подчиниться его силѣмъ взнаканъ кисти и яркимъ краскамъ. Но какъ только онъ старается доказать, выходитъ и пошло, и безцѣнно.

Ненависть «женя» къ генералу такъ сильна, что она впадаетъ въ истерику отъ одного его присутствія. Между тѣмъ,

по всему, что мы видимъ, онъ добръ къ немъ, даже ласковъ, вѣжливъ и искренно желаетъ услужить; не желаетъ лишь признать себя виновнымъ въ ихъ разрывѣ.

Спасаясь отъ этой ненависти и чтобы дать вздохнуть жонѣ, онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Но, на станціи вслѣдствіе опозданія поѣзда на 20 минутъ, раздумываетъ и возвращается. По дорогѣ заѣзжаетъ къ знакомому слѣдопытнику, доброму старому холостнику,

2845-Копия

Уны-к

повторяющему часто: «голодь не картошка!» и «переживайте вашу характер!» У него онъ обѣщаетъ видѣть съ земскимъ докторомъ, человекомъ съ сердцемъ и съ тѣмъ, чего нѣтъ у генерала, что дѣлаетъ его «независтникомъ и ненавидимымъ». Они плотно ѣдятъ, много пьютъ; въ похмѣльи, докторъ высказываетъ генералу нѣсколько откровенныхъ истинъ о томъ, что надо быть снисходительнѣе, проще и не жить только «мелкими чувствами» (?). Послѣ обѣда, разстроганный генералъ засыпаетъ, видитъ во снѣ жену и, проснувшись, рѣшается пошевелить съ ней примириться. Прощаясь съ гостеприимнымъ хозяиномъ, онъ открываетъ ему свою душу, а тотъ говоритъ:

— «Невозможно васъ уважать, голубчикъ. Съ виду вы какъ будто и настоящій человекъ. Наружность у васъ и осанка, какъ у французскаго президента Карно... Говорите вы высоко и умны вы, и въ чинахъ, рукой до васъ не достанешь, но, голубчикъ, душа у васъ не настоящая. Силы въ ней нѣтъ... да! Вотъ единственное объясненіе всѣхъ несчастій генерала, отнявшихъ у него жену, друзей и счастье.

Обиженіемъ стннъ генералъ вполне удовлетворяется и лотить стремглавъ домой, дабы найти «душевную силу». Онъ говоритъ удивленной жонѣ:

— «Natalie, я не убкалъ, но это не обманъ. Я съ уна обманъ, постарѣлъ, болонъ, сталъ *друшма челоукоу*... Отъ прежняго самого себя я отшатнулся съ ужасомъ, съ ужасомъ, презираю и стыжусь его, а тотъ новый человекъ, который во мнѣ со вчерашняго дня, не пускаетъ меня убкаться; не гоните меня, Natalie!»

Natalie вскрикиваетъ, всхлипываетъ и убѣгаетъ въ соседнюю комнату; а генералъ, спустя часъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ свою «Исторію жалѣвшихъ дорогъ» и уже больше не мечется. Душевную силу онъ находитъ въ томъ, что отдастъ все свое состояніе на «благотворительную оргію» своей жонѣ, которая ринулась въ нее, дабы снайти оправданіе своей жизни». Съ улыбкой равнодушія, онъ ждетъ съ минуты на минуту полного разоренія и все вѣшаетъ свою «исторію». Повѣсть кончается такъ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ я пошелъ въ одномъ полку съ равнодушными людьми, я сталъ самъ равнодушенъ и мнѣ хорошо. Что будетъ дальше, не знаю».

И ми не знаешь, и самъ г. Чеховъ не знаетъ, а если бы зналъ, то, навѣрно, не написалъ бы такого вздора. Предоставляю судить читателю, какъ много в. вонъ правды и чью пѣсню сплетъ «спѣлмй талантъ».